

Житель нашего района Леонид Афанасьевич Жаров родился в подмосковном городе Орехово-Зуево в 1923 году. Перед войной он учился в средней школе и занимался в аэроклубе, где он летал на самолете У-2. В феврале 1941 года он был отправлен в Севастополь, в летную школу. Леня среднюю школу тогда еще не окончил и расстраивался, что уезжает из школы. Ему очень нравилось заниматься немецким языком, и занятия у него шли с большим успехом.

Война застала его в школе военных летчиков. Враг быстро продвигался вглубь страны. Школу эвакуировали в Саратовскую область. Там в школу стали поступать новые модели самолетов, курсантов стали обучать летать на новых машинах. Но Жаров мечтал стать переводчиком и подал заявление об отправке его на передовую.

В начале 1942 года в составе маршевой роты он прибыл на Калининский фронт (в районе ст. Кувшиново). Затем в составе 155 дивизии Народного ополчения вступил в свой первый бой и был ранен в правое плечо. После госпиталя, где он пролечился месяц, был направлен в 185 дивизию 786 полка. Но вскоре Жарова опять ранили, и после второго ранения в начале 1943 года он попал на Волховский фронт во 2-ю ударную армию 374 дивизии, которая наносила основной удар при прорыве блокады Ленинграда. После прорыва блокады наши войска перешли к обороне, и тут началась основная работа Леонида Афанасьевича Жарова. Состояла эта работа в обращении к немецким солдатам с предложением сдаться в плен, и, конечно же, эта работа велась на немецком языке.

Вместе с Леней Жаровым воевал Георгий Иванович Немков, который был старшим инструктором политотдела. Он всю войну вел дневниковые записи. И вот небольшая часть этих записей была предоставлена нам.

Именно в них, написанных много лет назад, в суровой военной обстановке, чувствуется, как просто относились бойцы к тому, что мы сейчас называем «спасением Родины». Это была для них ежедневная работа, о которой не говорилось громкими словами, но которую они выполняли, не жалея своих жизней.

Вот выдержки из того дневника:

28 апреля 1943 г.

Много дней подряд на передовой. Передачи через рупор, вечером, ночью, утром. Все время меняю места передач, чтобы достичь максимального эффекта. До немецких траншей недалеко, а ночью хорошая слышимость.

А передавать можно было лишь так: пойти на бруствер, в руках рупор, ты весь на виду. Передачи проходили в разной обстановке. Часто начинался обстрел из минометов, автоматные очереди, иногда летели гранаты. Когда затихало, опять в дело вступал рупор. Ночью, когда немецкие офицеры спят, обстановка была спокойнее. Чаще всего солдаты слушали передачи.

7 мая 1943 г.

К нам перешел немецкий солдат Ганс Беккер. Он вышел с листовкой в руке около пулеметной точки, пулеметчик Биргулиев рассказал мне подробности перехода. На допросе мне сказал, что много раз ночью слышал передачи, а листовку подобрал на бруствере окопа. Листовку я узнал, это одна из тех, что забрасывалась нами из «листомета» в апреле. Надо срочно организовать передачи на участке перехода Ганса Беккера у отметки 71,2. Пусть немцы знают, что он жив и здоров, и делают выводы из этого.

15 мая 1943 г.

Вчера из политотдела армии приехала мощная громкоговорящая установка (МГУ). Она смонтирована на крытой автомашине, вверху три большие рупора, внутри вся аппаратура для передачи. У микрофона немец-антифашист и Ганс Беккер. Встретились мы с ним, как старые знакомые. Вчера провели 3 передачи ночью и рано утром на участке перехода Ганса Беккера, сегодня ночью - 3 передачи у болота Гладкое. Места все время приходится менять, чтобы немецкая артиллерия не нацупала машину. Установка мощная, передачи хорошо слышны более чем на километр. В зависимости от обстановки передачи длятся от 10 до 30 минут: обращение Ганса Беккера к немецким солдатам, положение на фронтах, последние известия.

21 мая 1943 г.

Уже 2 недели со мной работают два помощника – молодые солдаты, немного знающие немецкий язык, связист Юра Гвоздев и разведчик Леня Жаров (оба сейчас живут в Москве, Ю.И. Гвоздев работает в АПН, Л.А. Жаров – переводчик). Нелегко было найти подходящих помощников в полках, доволен ими, и мне стало легче, и работе лучше.

Вчера с Жаровым осмотрели укрепленную высотку, которая давно привлекала мое внимание. Она находится в лесу возле населенного пункта со странным названием Карбусель.

Прошли по всем траншеям – хорошее место для забрасывания листовок, да и рупор отсюда хорошо слышен. Согласовал с комбатом время работы. Он меня предупредил, что высотка хорошо пристреляна немцами. Эта высотка господствует над местностью и за нее не раз шли упорные бои. Солдаты стрелковой роты, обороняющие высотку, рассказали мне курьезный случай. Фрицам один раз удалось неожиданно захватить ее среди ясного дня. Наши отступили с боем, а один солдат замешкался в землянке (он спал после ночного бдения) и, услышав выстрел, разрывы гранат и немецкую речь, нырнул со страха под нары. Ему удивительно повезло, немцы не осматривали землянки, не думали, что кто-либо из русских мог спрятаться под нарами. А наши предприняли контратаку, с боем вернули высотку и освободили нашего солдата, который побывал в плену без плена. Такое редко случается.

Листовки решил забрасывать днем, а передачу вести ночью. Из штаба дивизии до передовой около 4 км по выматывающим душу фронтовым дорогам, проложенным по нескончаемым болотам. Лес растет здесь жиденький, из него строят фронтовые дороги, прикладывая жердь к жердочке поперек дороги и прикручивая тесно проволокой. Идешь по ним, а темная болотная жижа хлюпает под ногами. Все время их ремонтируют, подновляют и восстанавливают участки, разбитые вражеской артиллерией и самолетами. А какково ездить машинам по таким дорогам-мосткам, да еще с тяжелым и опасным грузом, ведь по ним подвозят снаряды и много всего прочего в полки. Едешь по фронтовой дороге на машине, и все внутри переворачивается от несусветной тряски. Слава фронтовым шоферам, работающим без отдыха в таких условиях, особенно при наступлении.

Когда-то эта небольшая высотка была покрыта сплошным лесом, а сейчас торчит голой среди исковерканных лесных зарослей.

Прямо за траншеями сплошной бурелом – масса сухих поваленных и расщепленных стволов, мины, снаряды и авиация исковеркали лес. Но жизнь продолжается, весна красит и этот страшно изуродованный лес – много зелени кругом среди бурелома.

Немецких позиций не видно, но фрицы где-то совсем рядом, нас разделяет минное поле в лесу, саперы рассказывали, что мин здесь масса. Листовки начали забрасывать во второй половине дня, долго ждали ветерка в сторону немцев. Техника заброски несложная. «Листометы» изготовлены из вышедших из строя минометов. Вместо мин шары из папье-маше, состоящие из двух половинок. В одной половинке заложено 10-15 листовок, в другой – небольшой заряд пороха.

Во время выстрела загорается бикфордов шнур и в воздухе через несколько секунд шар с треском разрывается, выбрасывая листовки. Сегодня своей работой мы довольны, листовки, несомненно, попали к врагу.

Удачно забросили 6 шаров, после чего начался сильный обстрел из минометов в ответ на наши "гостинцы". Одна из мин упала близко, метрах в 20 от траншеи, и от ее разрыва загорелся валежник. Огонь разгорается, дым потянуло к немцам. Бросили несколько лимонок, но огонь не погасили. Смелый разведчик Жаров просит пустить его в нейтралку с противотанковыми гранатами, из окопов их не добросишь. Хоть и очень опасно, пришлось ему разрешить. Двумя гранатами он удачно потушил огонь, а у немцев начался переполох: ракеты в воздухе, пулеметные очереди, минометный обстрел. Но мы все целы и невредимы, сидим в блиндаже. Ночью здесь же провели несколько передач через рупор.

После этой операции Леонид Афанасьевич Жаров был награжден самой ценимой на фронте медалью «За отвагу». После снятия блокады Ленинграда он был направлен на курсы военных переводчиков, и вся его дальнейшая жизнь была связана с переводами.

Георгий Иванович Немков,
бывший старший инструктор политотдела
374 стрелковой Любанской дивизии,
подполковник,
профессор МГРИ,
доктор геолого-минералогических наук.